

Часть вторая

*На углу «Дерибаса», или
повесть о школе, которой нет
(Продолжение)*

V

В Алма-Ате 1960–1970-х годов разборки шли между пацанами, скажем, из домов с магазинами «Снежинка», «Кругозор» или «Пионер». Если магазина или кафе в доме или квартале не было, то двор назывался по каким-нибудь внешним признакам, к примеру «белым». И вражда шла между «Белыми» с «Жёлтыми» дворами.

В восьмидесятые всё изменилось. Вместо дворов — «районы», то есть несколько дворов. Центром каждого района, как правило, становилась школа, где местные пацаны учились в свободное от драк, пьянок, наркотиков и футбола время. Наша средняя алма-атинская 41-я школа была своего рода столицей района, названного почему-то «Дерибас», как в Одессе. Символически границы Дерибаса пролегли по квадрату улиц: Ташкентская, Коммунистический, Маметовой (включая драмтеатр им. Ауэзова, он же — новый ТЮЗ) и Фурманова. За улицей Фурманова, вдоль по Ташкентской с гастрономом «Рахат» и выше, до кинотеатра Октябрь, начинался район Новый Свет. С другой стороны Дерибаса, за Коммунистическим проспектом, — Аэрофлот, очевидно, по причине близости девятиэтажки, где первый этаж занимали кассы Аэрофлота.

Дерибасовские часто враждовали с пацанами из района Салем, центром которого была элитная 56-я, что в старом квадрате улиц имени Тулебаева, Джамбула, Шевченко и Фурманова. Были ещё «походы» в Аэрофлот (90-я школа),

в Золотую Орду (школа № 54, что возле ЦУМа на улице Горького, позднее — алма-атинском Арбате), на Квадрат (школа № 15, проспект Сейфуллина, угол Гоголя) и Драм (120-я, недалеко от русского драмтеатра имени Лермонтова). Воевал Дерibas с Досом (казахская школа № 12, бывшая 40-я), с Крепостью (№ 19) и с Вигвамом (№ 39 на улице Комсомольской).

Походы случались обычно в дни больших советских праздников и знаменитых школьных дискотек. Ночных клубов тогда не было, в бары и рестораны нас не пускали. В школах танцевальные вечера, балы и дискотеки проводили пару раз за учебную четверть. Представьте себе галдящую толпу в тридцать-сорок пацанов, идущую по вечерней улице в соседнюю школу на дискотеку. Или на Старую Площадь, где уже вовсю идут народные гуляния, а мы направляемся на разборки с пацанами-старшеклассниками из недружественной школы... Впереди шли лидеры, кто с палками, кто с цепями и даже ножами, и криками подбадривали следующее за ними войско.

Уже позднее, в конце 1980-х, стали на разборки таскать и мелкокалиберное оружие, пистолеты, называемые «стволами» или «дурами».

В нескольких шагах, немного позади, за вождями шла основная масса пацанов с налитыми кровью и спиртным глазами. Редкие парочки и случайные прохожие испуганно жалась к домам, а милицейские патрули на «бобонах»-газиках вообще предпочитали на нашем пути не появляться, быстренько свернув куда-нибудь в ближайший переулок.

И вот толпа доходит до соседней школы и засылает разведку из трёх-четырёх самых отчаянных, а нередко — самых пьяных или «раскумаренных» анашой и гашишем пацанов в грохочущее здание спортивного или актового зала, где собрались танцующие. Разведчики обычно ведут себя вызывающе, пинаются и плюют в собравшихся. Их цель — обратить на себя внимание местных пацанов, хозяев, и договориться

с ними о времени сражения, то есть забить стрелку. Нередко первые схватки происходили прямо в зале, среди учителей и танцующих. Учителя, кстати, а иже с ними комсомольские активисты и дружинники, чаще всего старались в районные «бакланы» не лезть и воюющие стороны не разнимать, отдавая это право милиции. Но и та задерживать пацанов опасалась: вдруг среди пришедшей толпы попадётся сынок какого-нибудь городского начальника? Так же и работу можно потерять.

Потому две толпы практически безнаказанно встречались в назначенное время в каком-нибудь соседнем парке, а то и на спортплощадке или футбольном поле прямо за школой и, подогретые водкой, сивухой и анашой, вступали в короткую и яростную схватку.

По тому же сценарию шли бои на Старой или Новой алма-атинских площадях вечером 7 Ноября, 9 Мая, на День города или в другие вечера народных массовых гуляний.

Когда-то давно, в начале 1970-х, битвы между районовскими пацанами начинались, как правило, один на один, или, как говорили тогда, «раз на раз». Обидчики лично знали друг друга, и конфликт районный нередко начинался с конфликта личного, частного. Но со временем дуэлей становилось все меньше и меньше, и в начале 1980-х индивидуальные «махаловки» окончательно уступили место массовым битвам. Такова была дань времени.

Чаще всего битва заканчивалась появлением милицеских патрулей, и после чьего-то истошного крика «Менты!» пацаны разбегались, пытаясь поодиночке вернуться «на район» или же просто раствориться в массе праздного и подвыпившего столичного народа. Задержанных доставляли в местные отделения милиции, где, по слухам, висели в восьмидесятых карты Алма-Аты, на которых разными цветами были обозначены «пацанские» районы.

Я уже упоминал «чертей» и «быков». Это, так сказать, изгой. Разница между ними была скорее условная: «черти» — обычные советские школьники, не связанные понятиями, и служащие — в основном для того, чтобы пацаны на них наживались. Среди «быков» случались и бывшие пацаны, разжалованные за какие-то серьёзные проступки. Если пацан не уследил за «метлой» или «базаром», а проще — ляпнул что-нибудь про другого пацана, а потом «завосьмерил», то есть стал отказываться от своих слов, то его избивали и изгоняли из рядов. Ещё изгоняли за добровольную отдачу вещей или денег другим бандам, вместо того чтобы драться за них самому, или вовлечь в «баклан» свою банду, или же не отдать совсем и пусть даже быть за это битым. Ну и, конечно, особенно строго каралась любая жалоба ментам, комсомольцам, родителям или учителям на других пацанов. Это не прощалось никому.

Внутри каждого пацанского района существовала своя иерархия, этими изгоями управляющая. Самый младший состав включал «молодняк» («щеглов») — школьников 6—8-х классов. Всерьёз их мало кто воспринимал, но на них рассчитывали как на боевую смену. Были у нас и такие «щеглы», кто в своём нежном возрасте мог дать фору старшим. Помню, на слуху были подвиги семиклассников Вовчика и Игорька, которые, напившись-накурившись, «захватили» милицейский «бобик». И не просто захватили, но предварительно выбросили из него ментов. Вовчик и Игорёк впоследствии выросли в больших авторитетов «на районе», сходили несколько раз на зону и наводили ужас на простых обывателей Дерибаса.

Вовчик, даже выйдя из тюрьмы без одной почки и на костылях, продолжал наводить ужас в окрестностях нашей школы.

Над молодняком в табели о рангах стояли пацаны — самый многочисленный и боеспособный отряд любого

районного войска. Начиная с 14 лет и до окончания школы пацаны дрались с соседними районами, «мужиками» и «мамбетами» из общаг, «катали» «чертей» и «быков», курили анашу и гашиш, пили водку, пиво и яблочную сивуху с портвейном, сидели в ментовке и шли на зону, если не повезло.

Многие из них завязали с дворово-районными делами сразу после окончания школы. Если же нет, то пацаны поднимались в табели о рангах, превращаясь в стариков. Сами старики (или «старшаки») в походы против других школ ходили только в исключительных случаях, осуществляя в основном общее руководство и политико-воспитательную работу.

Были у нас на Дерibasе и такие старики, которые были очень недовольны состоянием духа подрастающего поколения и проводили с ним индивидуальные занятия. Вплоть до нанесения нам телесных повреждений. Одного из наиболее неистовых стариков звали на районе Бала, что по-казахски означает «мальчуган».

Хотя он был мальчуган ещё тот...

В конце нашего десятого класса (весной 1983 года) он откинулся с зоны после нескольких лет отсидки. Был он физически очень сильным, после зоны озлобленным, а когда выпивал, то терял голову окончательно.

И вот, видимо с бодуна, посчитал Бала, что мы, пацаны, слишком борзые и недостаточно почтительные к таким, как он, старикам.

И повадился он нас воспитывать, то есть попросту избивать. Сначала принимал на грудь основательно, потом ходил по району, отлавливая пацанов, и бил, чтобы мало не казалось...

...В тот майский вечер мы мирно сидели на одной из наших «точек», ожидая остальных пацанов. Находилась та точка во дворике двух домов прямо напротив школы. Было часов шесть вечера, и я с двумя приятелями наслаждался хорошей погодой, сигаретами и просто ощущением расслабленности, которую всегда приносит с собой поздняя алма-тинская весна.

Вдруг слышались возбуждённые голоса вперемешку с матюгами, и во дворик, где мы сидели, пошатываясь, ввалились Бала с каким-то парнем года на два старше нас. Были они выпивши уже порядочно, хотя на ногах держались твёрдо. Ощущение приятной расслабленности при виде этих двоих как-то притупилось, но ещё не исчезло окончательно.

Я вообще немного напрягаюсь внутренне каждый раз, когда вижу сильно пьяных взрослых мужиков в опасной близости от себя. Сказались, видимо, смутные детские воспоминания, когда, так же пошатываясь, отец вваливался домой на исходе дня и начинал нас гонять с матерью по всей двухкомнатной квартире. Ночью мы лежали с ней в обнимку, дрожа от страха, когда он нас материл из соседней комнаты, и тихо ждали, когда он заснёт.

— Ну чё, бродяги? — пошатываясь, возник перед скамейкой, где мы сидели, Бала. — Совсем нух потеряли?

— Бала, а это чё за козлы, мля? — подходя поближе, внёс свою лепту в общую беседу его собутыльник.

— Да это щеглы наши местные, ох..ли совсем. Стариков не уважают.

— Ну так давай загасим их здесь на хрен и п..дец, мля!

Нельзя сказать, чтобы в таком тоне с нами совсем раньше никто не разговаривал. Всё-таки мы были не барышни кисейные, а уже проверенные пацаны Дерибаса. «Старики тоже могут быть не в настроении», — думал я, хотя внутри

у меня как-то всё сжалось от страха и недобрых предчувствий. Как-то уж больно агрессивно и недружелюбно эти двое были настроены тогда.

— Да ладно, Бала, чё ты в натуре, — начал миролюбиво один из нас, парень по кличке Тошка.

Я даже примерно знал, как он закончит, типа мы просто здесь сидим с пацанами, то да сё. Я бы и сам так ответил. Недоуменно, но в то же время с почтением. Всё-таки он был нашим районным стариком, которых полагалось уважать. Но закончить Тошка не успел, так как Бала, подойдя поближе, просто боднул его головой в переносицу.

— Да х.ли ты делаешь? — вскрикнул я, при этом глядя не на Балу, а на Тошку, пытающегося остановить потоки крови из разбитого носа. — Ну на хрена, а? — как-то даже просительно сказал я, поворачиваясь к нашему обидчику.

— Чё? Чё ты сказал? — переключился на меня Бала, хватая за воротник рубашки. — Да я вас тут всех щас поубиваю, мля! — и опять повторил, видимо, не на шутку тревожащий его тезис, что «щеглы» совсем «оборзели».

А в это же время его собутыльник начал сверху вниз отвешивать оплеухи пацану, сидящему на той скамейке вместе со мной и Тошкой в тот злополучный для нас троих вечер. Мы даже не пытались сопротивляться, просто прикрывались от ударов этих двух обезумевших уродов.

Так и начался на районе Большой Террор, и имя Балы, уже было позабытое, стало скоро нарицательным, как символ нашего тогдашнего ужаса перед ним. Тот факт, что он старик, да ещё и отсидевший, отметал малейшую идею сопротивления ему. Просто пацаны теперь старались ему на глаза не попадаться. Особенно когда он был в сильном подпитии. То есть почти каждый вечер.

А бодательное движение головой с последующим ударом в лицо и переносицу стали его фирменной «коронкой». Я за ним наблюдал такое неоднократно. Вот стоит он и с кем-

нибудь вроде бы довольно миролюбиво беседует. А между тем потихоньку подходит к собеседнику поближе. А потом — бац! — и бьёт чугунной своей башкой в лицо, ослепляя и шокируя соперника путём боли и шока. Пока тот очухается, Бала его спокойненько добивает. Он позднее устраивал такие показательные бои без правил, выводя нескольких пацанов против одинокого и оступившегося «старшака». И даже сколотил себе из них собственное войско, с которым ходил по ночному району, избивая парней и вполне взрослых мужиков.

VIII

Известно было, что в «центровских» районах менты боялись задерживать подвыпивших и накурившихся «мажоров» — сынков больших начальников. Но дикого и неистового Балу они опасались, видимо, по другим причинам. И все же был он скорее исключением из общей массы стариков, которые пацанов не слишком терроризировали.

На Дерибасе таких, как Бала, называли «зехер», от тюремного глагола «зехерить». Пришло к нам это слово задолго до появления Балу, но характеризует таких, как он, абсолютно точно. Зехерить — это значит внушать ужас своим беспределом. Это когда окружающим не ясно, только псих ты или же просто на грани белой горячки. «Зехерами» могут быть только люди, у которых поехала крыша и нет мыслей о том, что будет потом, завтра. А также полностью отсутствует жалость к себе и другим. Может, таких, как они, били до беспомыслия в детстве и вместе со страхом отбили у них и все другие чувства, включая страх, боль или инстинкт самосохранения. А может, в тюрьме их «прописывали» с особенным усердием, после чего убедили, что жалость в этом мире чувство вредное и абсолютно лишнее. Добавьте сюда выпитые килолитры водки и скуренные тонны анаши — такую «крышу» уже не просто унесёт, а сорвёт вместе с мозгами.

Я увидел Балу впервые, когда был в шестом или седьмом классе, а он уже старшекласником. Учителя его называли не только по фамилии, но и по имени, некоторые из них при этом подхалимски хихикали. Был он до своей отсидки таким сорвиголовой, но в то же время довольно обаятельным и с учителями разговаривающим дружелюбно-вызывающе. Пожилые школьные дамы таких орлов любят, а учителя-мужчины стараются с ними не связываться.

Потом записался я на секцию волейбола при школе и пришёл вечером на тренировку в спортзал. Ребята там тренировались постарше, и я, как самый младший и бестолковый, просто смотрел. Я уже понял тогда, что волейбол — это не моё. Ну вот, Бала тоже присутствовал на той тренировке. Играл он здорово, отчаянно как-то, но здорово. Руки у него были очень сильными уже тогда, и чувствовался в нем избыток огромной, неуправляемой энергии. А под конец, когда все устали, он вдруг ловко взобрался по канату до самого потолка. И не просто взобрался, а под самым потолком схватился за крюк, на который канат был подвешен, и повис на нем. А потом, повисев, начал на крюке взад-вперёд раскачиваться. Никакого даже намёка на страх или усталость он при этом не проявлял. А спортзал был высокий, не ниже уровня четырёхэтажного жилого здания.

Случай тот я вспомнил годами позже, когда увидел, как один из «щеглов» по имени Даулет, живший на пятом высоком этаже в Доме мебели, точно так же раскачивался на руках, но уже держась за поручни своего балкона. И он, как когда-то Бала, не показывал при этом ни малейшего страха, а скорее даже наоборот — дикий восторг. А было тому Даулету лет, может быть, самое многое десять. Вовчик с Игорьком «зехерили», когда ментовский газик захватывали и когда терроризировали своих одноклассников, а позднее ещё полшколы. Придёт вот такой Даулет в младший класс и первым делом наведёт ужас на своих ровесников. Потом из него

вырастает сначала Вовчик, а потом и сам великий и ужасный Бала. Вот такая эволюция по-дерибасовски получается.

Почему пацаны примыкали к районным бандам? Это было ново и очень интересно. После тусклого и монотонного дня в школе для многих из нас окунуться в атмосферу Дерибаса было как холодной воды жарким днём напиться. Все эти понятия, жаргон, герои-легенды и прочие элементы блатной романтики... — ничего подобного ни школа, ни комсомол предложить не могли. Все твои друзья были рядом, и вместе мы ощущали себя частью какого-то тайного мощного сообщества, этакого ордена, где один был за всех и все за одного. К тому же подростки являются самыми рьяными максималистами в обществе, они видят мир черно-белым.

Именно такое разделение Дерибас и его «культура» предлагали. Нельзя было быть полупацаном: ты либо с нами, либо мы против тебя.

По своему району пацаны ходили не толпами, как в походы против других школ, а перемещались мелкими группками по 5—6 человек. Группки эти знали друг друга с первого класса, были проверены на лояльность и сколочены по дворовому или классному признаку. Или же по спортивному или командному, когда после футбольного матча мы продолжали вечер и торчали в подъездах, если было холодно, или на скамейках в ближайших скверах — если тепло. Так вот, жизнь пацанская протекала на «торчках» или на «точках», где в перерывах между походами и «бакланами» они выпивали, курили, бренчали на гитаре, травили анекдоты.

У нашей группы было несколько таких точек на Дерибасе. Первая — во дворе двух жилых домов прямо возле 41-й школы, куда мы иногда приходили и днём, если прогуливали уроки. Другие две, вечерние, были в скверике на углу Коммунистического проспекта и улицы Маметова, где памятник казахскому герою Амангельды Иманову. В глубине

скверика стояли довольно большие скамейки, народу по вечерам собиралось немного, и мы там зависали часов до десяти-одиннадцати. В дни дискотек и дней рождений частенько можно было встретить одного-двух перебравших алкоголя или перекуривших анаши пацанов, проходящих в себя на свежем воздухе.

IX

По Дерибасу мы обычно ходили вшестером: Шака, Баха, Виня, Хохол, я и Даурен. Виня, он же Ерлан, названный Винни-Пухом за пухлость щёк, тогда, в 1983-м, уже закончил школу и теперь просто коротал время до весеннего призыва. Делать ему целый день было абсолютно нечего, и потому он просто слонялся с нами после уроков и спал до обеда, пока мы учились.

Хохол и я были в том году в десятом, последнем классе средней школы. В отличие от Ерлана-Вини, мы представляли социальный слой советских учащихся. Весной, через полгода, у нас должны были начаться экзамены, выпускные, институты, военкоматы и прочая канитель. Вот мы и старались жить в свой последний детский год «по-настоящему».

Шака и Баха были на год младше нас, и я иногда завидовал им, ведь до экзаменов, армии и институтов им ещё больше года.

И наконец Даурен — самый младший и отчаянный из нас. Он, всего лишь восьмиклассник, выглядел выше и плечистее Винни-Пуха, уже закончившего школу. В начале 1983-го Даурен переехал из нашего района на другой конец города, но в школе, вопреки общешкольным правилам, остался. Может, его родоки дали кому-нибудь на лапу. В нашей школе или районо. Тоже обычное тогда дело. Потому он хотя и приезжал к нам откуда-то из района Весновки по вечерам, но далеко не каждый день.

А уж когда он приезжает, мы либо сильно напиваемся, либо с кем-нибудь дерёмся. Иначе с ним не получается. Для него просто так, тихо-мирно посидеть с пацанами в парке означает потерять день.

Сидим в глубине скверика, неподалёку от памятника Амангельды Иманову. Это казахский народный герой типа Емельяна Пугачёва у русских.

Пока закончили с «планом», совсем стемнело. Часов семь-восемь вечера уже. Переполненные троллейбусы заметно опустели и стали ходить реже. Хочется жрать, да и сушняк от выкуренной анаши и сигарет.

Виня с деловым видом достаёт «пузырь» из кармана куртки. Слава Богу, на этот раз не водяра! В свои неполные семнадцать лет я водку не переносу на дух и на вкус. А ещё год назад, на спор, хлестал её прямо из горлышка. Воистину, мои года — моё богатство!

Так как жрать нечего, а что-то делать надо, пьём слабенький и кислющий рислинг местного розлива. В магазине его называют «Семиреченским». Ещё гадаем, приедет ли вечером (уже вечер!) Даурен.

Пьём из горлышка, передавая бутылку по кругу. Стаканы для нас — недозволенная роскошь. Во-первых, автоматы с газировкой на зиму закрывают. Во-вторых, алкаши стаканы уже все равно давно растащили.

Вместо закуски курим местные крепкие сигареты «Медео» и делим парочку занюханых ирисок из чьего-то кармана.

Потихоньку разговорились, пошли шутки про школу, учителей и «крыс» — девчонок. Даурена всё нет. На часах уже часов восемь вечера.

— Не придёт он сегодня, — говорит Виня, сделав большой и жадный глоток рислинга.

— Не придёт, ну и хрен с ним, — отвечает ему Шака. — Допивай и выкидывай, пока менты не подскочили.

Как только допили и выбросили «пузырь», закурили последнюю сигарету на всех, кто ещё мог курить. Пора идти домой. Тут из темноты парка раздаётся условный свист на мотив припева знаменитой битловской песни «Мишель». Это наш районный позывной. Мы свистим в ответ, и через минуту возле лавки появляется взъерошенный Даурен. Он зол из-за того, что мы ему ничего не оставили, а денег ни у кого больше нет.

— Покурим, Котяра? — говорит он мне на ходу, пока я делаю свои две затяжки.

— У кота под хвостом! — отвечает вновь прибывшему Шака. — Тут уже целая очередь на сигарету!

— Надо было не опаздывать, — так же нравоучительно говорит Даурену Хохол.

— Да на Пастера мамбеты докопались, — с досадой оправдывается Даурен, — они и сейчас там, отвечаю! О-тве-чаю!

С этим «отвечаю» тоже не всё так просто. Когда районный пацан отвечает за свои слова — это гарантия, что он не врёт. Иначе неприятностей ему не избежать, верить ему никто больше не будет.

Но если какой-нибудь хитрец вместо клятвы: «Отвечаю!» — скажет невнятно что-то типа «Отмечаю» или «Атвечаю», то клятва как бы получается не настоящая. И её, значит, можно нарушать.

Поэтому всегда надо убедиться, что заветное слово произнесено правильно.

Ещё можно дать «слово пацана». Хотя тот же остряк Шакир иногда мог пробубнить «сново» вместо «слово», если очень хотел соврать. К тому же клятва звучала как-то пионерски, слишком торжественно.

Но делать нечего, товарища в беде нельзя бросать. Вот и мы, кто неохотно (Виня и я), кто с энтузиазмом (Даурен), а кто и индифферентно (все остальные) бросаемся на поиски обидчиков-мамбетов.

«Мамбетами» городские казахи называют казахов аульных, сельских, приехавших в Алма-Ату поступать в какой-нибудь сельхоз или зоовет. Вообще-то Мамбет — обычное казахское имя. По чьей-то злой воле вполне невинное имя стало олицетворением деревенщины и бескультурия. Предубеждение такое было у городских казахов к деревенским, аульным, то есть приезжим. Или из отдалённых городов и областей Казахстана. Приехавших издалека русских или украинских парней мамбетами не называли. Хотя мы их звали «чуваками» и тоже не особенно любили. Но мамбеты держались дружно и друг друга в обиду городским и прочим не давали. Они, в свою очередь, терпеть не могли городских казахов за заносчивость и незнание казахского, родного языка. Вечная вражда коренных с приезжими. Селились приезжие обычно в общагах и по-русски почти не говорили. Кроме слов «сука» и «бля», разумеется. Да и те произносили с непередаваемым очарованием, как короткий тычок штыка или удар лопатой: ссык, блят!

Дерёмся мы с ними регулярно, раз-два в месяц. Так как мамбеты чихать хотели и на районы, и на пацанов, и на понятия.

Пока дошли до угла улиц Пастера и Мира, недалеко за сквериком, где мы сидели, мамбетов уже и след простыл. Как же, будут они нас ждать в темноте стылým осенним вечером!

— Мы их завтра здесь поймаем и загасим, — не сдаётся Даурен, — у них общага недалеко отсюда, отвечаю!

Х

По вечерам, когда мы собирались с пацанами на своих «точках», случалось, что менты нас периодически отлавливали, обыскивали и даже забирали в отделение. Хотя, так как мы были ещё несовершеннолетние, сразу отпускали. Чтобы на следующий вечер мы появлялись опять там же или в другом подобном месте. Кстати, досаждали нам менты нечасто.

Сидит в парке такая вот компания (иногда присоединялись и девчонки), «бухает», курит и веселится с гитарой или портативным кассетником. Вдруг откуда ни возьмись появляется наряд милиции, тихонечко выползает из темноты, обычно по два-три человека. И пошло-поехало: «Добрый вечер, молодые люди! Чем занимаемся? Где живёте? В какой школе учитесь?..»

У самых развязных и наглых проверяли карманы, на прощание советовали «разойтись по-хорошему».

Скорее всего, давали менты нам некую фору во времени. Нарваться на неприятности можно было лишь в очень позднее время, после двенадцати ночи, когда прохожие на улицах исчезали совсем. Мы же расходились по домам сразу после десяти — понятное дело, несовершеннолетние, у всех родители, дяди, тётки, уроки, родительский «комендантский час», футбол-хоккей по телику и прочее.

Зимой, в лютый холод, на улице недолго посидишь, и потому любили мы забираться в большие и тёплые подъезды — как в здании «Кулинарии» на Маметовой или в «Доме мебели» на Коммунистическом.

Вели мы себя там скромно и вежливо, со всеми входящими-выходящими здоровались и на стены не мочились. Если накуривались, то при этом выходили на улицу, чтобы «раскумарило» сильнее. Поэтому из подъездов нас выгоняли редко, и милицейские наряды никто из жильцов не вызывал. Хотя, может, просто побаивались и не хотели связываться. В подземные переходы мы предпочитали не соваться, так как «скрутить» (ещё говорили «свинтить») нас там могли быстрее, чем в подъездах. Переходы были негласной территорией ментов и дружинников.

То же самое и парк перед бывшим казахским драмтеатром (новым ТЮЗом) или сквер у кинотеатра «Октябрь». Уже после окончания школы, в октябре 1983 года, возле ТЮЗа убили парня — даже не убили, а раздели и избili зверски.

Он умер от переохлаждения, пролежав в кустах всю ночь. Мы к этому никакого отношения не имели. Однако менты озверели и ловили всех подряд, включая девчонок. За кем-то даже домой приезжали на «бобоне». Кое-кого из нашего бывшего и параллельных классов достаточно долго, в течение нескольких месяцев, таскали на дознавания и допросы в Ленинский РОВД.

Страху натерпелись многие. Но со временем история затихла. Впрочем, к ТЮЗу мы ходить перестали.

XI

Школьная жизнь не ограничивалась лишь «пацанством» и «районами». Наоборот, то были скорее мероприятия внеклассные, случавшиеся чаще всего после уроков. Поэтому все пацаны жили как бы в трёх измерениях: дома, на уроках в классах и после школы, на Дерибасе. Все эти жизни были разные, хотя иногда они и пересекались.

И на районах, и просто в школе, классах почти у каждого пацана, «быка», «старика» или «крысы», было своё, особенное погоняло, или кличка. Их этимология существовала в советской школе разнообразнейшая. Дети, как известно, всё видят и замечают вокруг себя. Они не злые, просто называют вещи своими именами и с «политической корректностью» не знакомы. Если их соклассник толстоват, его и называют «жиртрестом», носит очки — соответственно «четырёхглазый».

В нашем же 10-м «А» отличника Лёшку за малый рост и юркость мы звали (класса с шестого, а то и раньше) «Шнырой» (от слова «шнырять») или ещё «Шишком» — из какой-то сказки. Его приятель Костя — «Длинный» или «Костук». Позднее, в старших классах, этих двоих мы ещё в шутку называли «лицами еврейской национальности» и «бундовцами» после памятного урока по истории КПСС. Ещё одного

их приятеля, нашего отличника и активиста Асхата, в классе шуточно называли «Китайцем» — за узкие щёлки смеющихся глаз. Они так и приходили втроём в школу — жили в одном дворе через дорогу.

Кликухи лепились и по ассоциации с именами и фамилиями. Нашу старосту Маринку, к примеру, все звали «Муркой — Кожаной Тужуркой», как в блатной песне. Исключительно из-за фамилии Мурушева. Иногда её называли «Шурой Муриной» или «Мурой Шуриной». Она, будучи девчонкой мировой и с пацанами дружившей, никогда на нас за это не обижалась.

Зойку Вахрунину, другую нашу яркую одноклассницу, величали «Ватрушкой». Понятно, что из-за фамилии, как и Маринку. У одного из «авторитетов», или «шишкарей», нашего класса — Супы — был с Зойкой роман в десятом классе.

Будучи пропитанным дерибасовским духом пренебрежения к женскому полу, Супа старался показать, что для него это увлечение ничего не значит, и громко декламировал в классе, озорно поглядывая на свою зазнобу:

— У Руслана под подушкой

Лежит сла-а-адкая Ватрушка!

Такой вот поручик Ржевский алма-атинского образца. Не знаю, дошло ли у них там «до подушки», но Зойка реагировала на эти куплеты болезненно, краснела и даже из класса выбегала. Хотя Супу она прощала, и их опять видели вместе.

Клички давались и по ассоциации с литературными героями. Прозвище «Варька Корейш» прилипло к Серёге Каховскому после памятного урока литературы. Но особенно повезло пришедшему в девятом классе Кольке Шевцову. После прочтения нами «Молодой гвардии» Фадеева Колька превратился в Любку Шевцову. Хотя и с понятными протестами с его стороны. Напоминал он скорее Чака Норриса, чем Любку, и был такой же рыжий, здоровый и мускулистый.

Я слышал, что Колька после школы ушёл служить в Афган, был там ранен и потерял ногу.

Учителю кличку, в отличие от пацана, быка или девчонки, надо было заслужить. Причём отрицательными действиями, что случалось сплошь и рядом. Наш суровый военрук Могильный был за глаза прозван Мудильным за едкий характер и неуступчивость. Бессменного физрука Владимира Васильевича за крикливость, сварливость и постоянно летящие изо рта слюни окружающие ласково прозвали «Варежкой», раскрыв которую он остановиться не мог и орал на нас на своих уроках физкультуры прямо как Жириновский на заседаниях Госдумы, да так, что слышно было в каждом классе нового и старого зданий. По этой причине физру не любили, постоянно пропускали, а один раз на выпускном балу подвыпившие и здоровенные выпускники даже накустыляли Варежке за его поганый нрав.

Сильным и авторитетным пацанам, держащим «шишку» в классе или по школе, клички давать побаивались. Если давали, то звучали они почтительно-нейтрально, как у «шишкаря» Руслана Засупова, — просто Супа. С первого класса он хотел быть лидером и притеснял всяких слабаков-добряков вроде Коржика с Челюстью и меня.

Как-то давно, ещё в третьем классе, я по глупости что-то ляпнул ему обидно-дерзкое, и он, само собой, решил меня наказать и расквитаться после уроков. И вот бегу я весь в холодном поту от школы до самого своего дома, а за мной метрах в двухстах несётся Супа с кем-то из своих прихлебателей. Уже подбегая к подъезду, я понимаю, что не успею достать ключ и открыть дверь до того, как меня схватят. Погоня приближается. Как загнанный толстый заяц я залетаю в подъезд и, не останавливаясь, бросаюсь вверх по лестнице мимо своей квартиры на первом этаже. Пролетев второй этаж, я замираю на третьем, прислушиваясь.

Дом наш панельный, четырёхэтажный. С одного этажа на другой расстояние в два небольших лестничных пролёта, каждый ступенек десять. Минутой позже я слышу сверху, как на первом этаже Супа со своим адъютантом уже звонят, а потом тарабанят в дверь квартиры, где я живу и должен был быть, кулаками. На мгновение оба затихают и прислушиваются.

— Чего-то слишком тихо там, не может так быстро он забежать, — дельно и громко замечает Супа внизу, на лестничной площадке перед моей дверью. А потом предлагает кому-то:

— А пойдём-ка наверх и посмотрим!

И, к ужасу непомерному своему, я слышу, как они бодренько так топают наверх, ко мне. Как профессор Плейшнер из популярного тогда сериала «Семнадцать мгновений весны», зажатый в подъезде агентами гестапо.

Я всё ещё на цыпочках, но уже в полном отчаянии поднимаюсь на самый последний, четвёртый этаж и судорожно звоню во все четыре двери на площадке. Три из них предательски молчат, а из четвёртой, секунд через десять, высовывается сердитое лицо какой-то тётки-домохозяйки. Узнав меня и прослушав мой жалобный вой, что «плохие мальчишки меня обижа-а-ают!», домохозяйка берёт меня за руку и ведёт вниз, навстречу запыхавшимся «агентам», которые уже достигли площадки третьего этажа. Прослушав нотацию, что драться нехорошо, они недовольно, но всё же убираются из подъезда. Я, судорожно сглотнув, убегаю домой и запираюсь на два оборота. В окне вижу, как Супа с адъютантом разочарованно удаляются, оборачиваясь и угрожающе посматривая на мои окна.

О идолы и кумиры наших школьных дней! Как непостоянны и коротки были дни ваши! Как за голливудской звездой, сколько раз наблюдали мы в школе за стремительным восхождением очередного школьного шишкаря и столь же

стремительным его падением. Кто бы мог предположить тогда, в восьмом классе, что звезда Супы закатится уже через полтора года?

Случилось это в десятом классе, после его блеклой и невыразительной драки с борцом из параллельного класса по имени Акыл. Интерес к их поединку подогревался в массах постепенно, но неумолимо. Когда десятый класс перевалил за половину, все в школе понимали: бою быть. И вот наступил день, которого мы все ждали — как любители бокса ждали поединка Тайсона с Холифилдом.

Ярким тёплым апрельским днём, во время большой двадцатиминутной перемены, за гаражи потянулось всё мужское население старших классов 41-й школы. Шли парами, группами или поодиночке, делая ставки и просто предвкушая бой века. Но вместо радости мы получили горькое разочарование. После унылого топтания на месте двух идиолов последовал такой же тоскливый переход в партер. Бойцов, то есть борцов, пришлось разнимать на исходные позиции, но тягомотина продолжилась.

Наконец после скучнейшего пятиминутного зрелища была объявлена такая же невыразительная ничья. Как для Супы, так и для Акыла ничья эта была равна поражению. Оба были позже биты одноклассниками, как и районными пацанами, и сгнули в анналах истории. Благо до конца школы оставалось меньше двух месяцев.

XII

В начале девятого класса на место ушедших ребят пришли новые. Была среди новичков одна загадочная личность. Появившись прямо среди урока, она была описана очевидцами как смуглый худенький парнишка с длинными волосами, независимо пожёвывающий бабл-гам. Жвачка каким-то образом попала изо рта паренька на волосы и окончательно

завязла там. Отчаявшись освободить волосы от резинки, новичок достал из портфеля ножницы и отрезал слипшийся клочок вместе со злополучной жвачкой. Так и появился в нашем классе Бала.

А отличился он в последовавшем весной десятого класса межшкольном районном кроссе в честь годовщины Октября вокруг Дома правительства, что на алма-атинской Старой площади. Участники должны были обежать раз десять мелкой трусцой парк возле Дома правительства. Притаившись среди правительственных елей, разросшихся там немерено, наш бегун Бала незаметно выскочил из укрытия, когда все участники кросса уже пошли на последний круг. Влившись в группу лидеров, свеженький лжебегун торжественно пришёл к финишу одним из первых и даже получил за свою победу какой-то приз. К нашему общему удивлению, обмана никто не заметил, так как бегуны устали, а судьи за кроссом не следили, болтая друг с другом. Так наш одноклассник в одночасье вознёсся к вершинам славы. Поражённые такой наглой подставой, но всё же гордые за честь школы, мы распевали оду Бале, тут же, на скорую руку, сочинённую:

Ура Бале! Бале ура!

Ура! Ура! Бала! Бала!

Класс наш в целом оказался не очень дружным. Зубрилки-отличники держались всегда, начиная с пятого класса, отдельно от всех остальных ребят и девчонок. Их немного, но они так называемая элита и в активе нашей классной руководительницы, математички Татьяны. Меня, Хохла, Балугу и ещё одного приятеля, Мырзу, Татьяна на дух терпеть не может.

Мать моя, в начале года посетившая парочку родительских собраний, потом на эти сборища ходить перестала. По причине постоянных упрёков и обвинений со стороны нашей классной.

Мамаша мне также рассказала, что в родительском комитете сплошь и рядом папы и мамы Татьянинных любимчиков,

которые ей и коробочку конфет поднесут на праздники, и цветочки, и что-нибудь из импортной парфюмерии. Причём на глазах у остальных родителей, не таких богатых.

Когда же после одного из собраний нашей Таньке поднесли упакованную в прозрачный пакетик розовую немецкую комбинацию, а та на виду у всех родителей радостно ослабилась, мать плюнула и на собрания ходить перестала. А вскоре за ней и ещё несколько родителей, чьи дети не в активе. Поначалу я боялся, что мне этот демарш аукнется на выпускных. Оказалось — зря. Вытянули и медалистов — на медаль, и всех остальных. Аттестаты получили все. Другое дело, что не все в первое лето после школы поступили в институты. Но это уже отдельный разговор.

XIII

В декабре 1982 года наши девчонки решили отпраздновать приход Нового года и пригласили всех одноклассников домой к Галке Саловой. Галка и Маринка — одноклассницы и подруги, хорошистки-отличницы. Но они с нами, хулиганами и раздолбаями, тоже в очень хороших отношениях.

В отличие от спесивых и заносчивых отличниц и активистов Ирки с Сашкой, Асхата-китайца, длинного Костука, Лешки-Шныры и других Танькиных жополизов.

И вот Галка пригласила, добрая душа, весь класс, включая и отличников, и троечников-раздолбаев, на свой день рождения.

Правда, живёт она где-то в заднице — на улице Аэродромной или Аэропортовской, ниже Ташкентской.

То ли по дороге на вокзал Алма-Ата 1, то ли по дороге в аэропорт. Хотя нет, аэропорт — это там, где роща Баума.

Кто-такой Баум, знают в классе немногие, включая меня. Поэтому мы зовём её рощей Баумана. Кем был в своё время товарищ Бауман, тоже знают не все, по-моему, какой-то большевик-ленинец.

Подозревая, что вечеринка ожидается скучная, Мырза, Хохол, Бала и я разработали план. Мы с Мырзой инсценируем драку и скандал, а потом, напугав всех, признаемся, что пошутили. Хохол по плану вступится за меня, для пущего шума. А Бала станет союзником Мырзы. Главное, не рассмеяться в процессе ссоры и не переиграть.

После школы пошли вчетвером ко мне. Купили в ларьке две сивухи «яблочных» и две пачки сигарет «Медео». Сивуху выпили у меня, перед тем как ехать к Галке на улицу Аэродромную (или Аэропортовскую?), а сигареты оставили на вечер.

Возле школы загрузились в автобус и поехали сначала по Ташкентской в сторону проспекта Сейфуллина, а потом повернули «вниз» по направлению к Аэродромной.

Только в Алма-Ате вам объяснят, что проехать или пройти нужно «вверх» или «вниз». «Вверх» обычно означает на юг, в сторону гор, по направлению к проспекту имени Абая.

«Вниз», соответственно, за Ташкентскую, в сторону железнодорожных вокзалов Алма-Ата 1 и 2. Такая уж историко-географическая традиция сложилась.

Наконец автобус довёз нас четверых до Галки. Оказалось, что живёт она в частном, отдельном доме. После унылого однообразно-панельного центра возле школы мы вдруг очутились в слегка покосившемся, но все ещё крепком частном секторе столицы. Дома невысокие, двух- и одноэтажные, отдельно стоящие и с забором. Внутри каждого двора небольшой фруктовый садик. Многие мои одноклассники живут в таких вот домишках. Да я бы и сам с удовольствием здесь пожил.

Пока нашли дом, стемнело. Ещё и шести часов не было, но зимой темнеет рано. Встретила нас за калиткой сама именинница в нарядном ярко-красном платье. В глубине дома надрывался магнитофон, слышались звонкие голоса и басыстый смех одноклассников.

— Я счастлив вас видеть в этот день, мадам, — галантно припал к ручке хозяйки Мырза, — ибо... Ибо? — тут он замешкался, прямо как Андрей Миронов в фильме про 12 стульев. А может, выпитая сивуха начала действовать на мозги.

— Родителей не будет до десяти часов! — бодро отрапортовала Галка, выдирая руку из цепких лап. — Проходите и раздевайтесь. Обувь можете не снимать.

— Остаться только в обуви? — деланно смутился Мырза. Кажется, он был в этот вечер в ударе. — Я право не знаю, мадам...

Мы заржали и толпой ввалились в большую комнату. Собралось уже человек десять.

Когда пиршество было в разгаре, Мырза встал с бокалом, приготовившись для произнесения тоста.

— Дорогая Галка! Девчонки! — начал он торжественно. — А также пацаны, ну и ты, Кот, тоже!

Мне показалось, что он мне в тот момент подмигнул.

— Сегодня мы собрались в этом гостеприимном доме, чтобы...

— Эй, а нельзя ли повежливее? — вспомнил я про наш план. — А то ведь можно и в ухо...

Мырза посмотрел на меня с непониманием. Потом он, видимо, тоже вспомнил.

— От тебя, что ли?

— Да хоть бы и от меня! — встал я прямо перед ним. Теперь между нами был только стол, уставленный закусками и брагой.

— Чё такое? — подал голос слева от Мырзы Бала. Он тоже приподнялся и попытался то ли оттолкнуть меня, то ли схватить за воротник рубашки. При этом он продолжал быстро приговаривать скороговоркой:

— Чё за дела? Чё за дела? Чё за дела?

Как-то резко затихли все звуки за столом, и присутствующие в пугливом ожидании стали смотреть на нас троих.

— Эй, Балапан, убери руки! — вступил со своей партией Хохол откуда-то слева от меня. Кажется, ему за столом досталось самое лучшее местечко, рядом с хозяйкой.

И вовремя. Все повернулись в его сторону, не заметив, как у Мырзы и меня всё сильнее дрожали губы от прорывающегося смеха.

Чтобы не выдать себя и его, я схватил его прямо через стол за грудки. Он, недолго думая, так же схватил меня. Зарывшись лицом друг другу в грудь, мы оба какое-то время отчаянно пытались бороться со смехом.

С дальнего конца стола на помощь прорывался к нам, роня столовые приборы и бокалы, верный Хохол.

Послышались девичьи голоса. И понеслось через секунду:

— Ребята, не надо!

— Женя! Держите его!

— Ну пожалуйста!

— Остановите их!

— Коля, сделай что-нибудь!

Здоровенный Колька Шевцов, рыжий и мускулистый, похожий на каратиста Чака Норриса, повис на довольно реалистично играющем свою роль Бале, умоляя его пойти покурить. По-моему, они вдвоём даже на пол завалились в обнимку позади стола.

Постепенно звуки битвы затихали, уступая место группе «Чингизхан», радостно орущей из доморощенных колонок: «Moskau, Moskau!»